

Ф. А. Голубинский

Лекции философии

Выпуск второй

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Г62

Г62 **Голубинский Ф.А.**
Лекции философии: Выпуск второй / Ф. А. Голубинский – М.: Книга по Тре-
бованию, 2013. – 99 с.

ISBN 978-5-458-04804-0

Лекции выдающегося русского философа, профессора Московской духов-
ной Академии, пользовавшегося огромным научным и нравственным автори-
тетом среди современников. В личности Голубинского высокая ученость со-
четалась с глубокой духовностью. Признанный основателем русской теисти-
ческой философии, Ф.А. Голубинский был облечен священным саном и являл
по воспоминаниям всех знавших его пример подлинно христианской жизни.
Уделяя внимание исследовательской и преподавательской работе, Ф.А. Голу-
бинский не оставил собственноручных письменных произведений. Его
философские идеи воспроизводятся по записям, сделанным слушателями
Московской Духовной Академии. В публикуемой книге представлены курсы
Общего введения в философию и «Пропедевтика в метафизику».

ISBN 978-5-458-04804-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Лекціи Философіи.

ОНТОЛОГІЯ *).

ВВЕДЕНІЕ.

Исторія Онтологіи.

Онтологія въ первый разъ является въ сочиненіяхъ Платона не въ связномъ, впрочемъ, видѣ. Онтологическія и гносеологическія идеи разсѣяны у него по разнымъ мѣстамъ его твореній. Ученикъ Платона Аристотель привелъ всѣ по предмету сему изслѣдованія въ довольно стройный систематическій порядокъ. Далѣе, въ средніе вѣка она пополнена была и расширена до чрезмѣрности такими уточненными понятіями, кои болѣе показывали игру разума, нежели точность и основательность, отъ чего она въ послѣдствіи возбудила отвращеніе во многихъ мыслителяхъ. Во времена Декарта не только не почиталась нужною эта наука, но напротивъ часто была осмѣиваема. Въ школѣ самого Картезія она замѣнена была изслѣдованіемъ того, что душа, отрѣшившись ото всего чувственнаго, находитъ въ себѣ, въ принадлежащихъ ей идеяхъ, — первое, основное, твердое; а за симъ непосредственно начиналось уже

*) Печатается на основаніи двухъ рукописей погойнаго протоіерея В. Г. Назаревскаго. Вторая изъ нихъ—болѣе подробная, но въ сожалѣнію въ ней есть перерывы, въ слѣдствіе чего Онтологія будетъ печататься по первой рукописи, а вторая будетъ служить дополненіемъ первой. Ко времени печатанія Лекцій по Онтологіи въ бумагахъ В. Г. Назаревскаго нашлись автографическія записки (частію перомъ, частію карандашемъ) самаго О. А. Голубинскаго, но онѣ представляютъ только бѣглый афористическій набросокъ мыслей для лекцій, который можетъ быть напечатанъ въ видѣ приложения. Примѣчательно, что въ началѣ каждой лекціи профессоръ прочитывалъ дома главу изъ Библии и въ заголовкѣ своихъ замѣтокъ ставилъ первыя слова прочитаннаго.

Богословіе. Варухъ Спиноза хотѣлъ построить свою систему по методу математическому, поставивши, въ основаніе, какъ аксіомы, общія нѣкоторыя понятія о единой субстанции и образѣ ея проявленія и, такимъ образомъ, далъ своей системѣ грозную крѣпость, такъ что съ большою острою нужно было проникать и взвѣшивать первыя ея основоположенія, дабы отвергать слѣдствія, строго логически выведенныя изъ своихъ началъ. Это побудило послѣдователей Лейбница возстановить Онтологію. Многое нужное внесено было ими въ Онтологію, впрочемъ, много есть излишняго и даже несвязнаго. У самого Лейбница она замѣнена была монадологіею, въ которой онъ хотѣлъ преимущественно раскрыть, какимъ образомъ основаніемъ всего сложнаго и измѣняемаго служить простое и самостоятельное. Вольфъ еще болѣе позаботился о возстановленіи Онтологіи, но онъ не имѣлъ общаго и точнаго понятія о сей наукѣ и отъ того лишень былъ основнаго начала, изъ коего могъ бы вывести въ связи и систематическомъ порядкѣ положенія своей системы и опредѣлить коренныя свойства существъ. Такимъ образомъ въ отношеніи къ систематическому порядку предметовъ Онтологія Вольфа есть нѣчто несвязное; въ ней нѣтъ основанія, почему одна глава слѣдуетъ за другою. Касательно же самой сущности, въ его Онтологіи находится много посторонняго, неотносящагося къ предмету; его положенія извлечены частію изъ опыта, частію изъ разума и не относятся къ главной господствующей силѣ духа, — къ уму; напр. находятся у Вольфа разсужденія о пространствахъ и времени, только какъ о понятіяхъ эмпирическихъ; разсужденія *de toto et partibus, de eodem ac diverso, de signo ac signato*, относящіяся къ разуму или логикѣ; но нѣтъ разсужденій *de substantia et infinito* и другихъ нѣкоторыхъ, которыя собственно принадлежатъ уму. Больше единства получила Онтологія у кантіанцевъ; но еще менѣе соответствуетъ цѣли — служить руководствомъ въ изслѣдованіи предметовъ метафизическаго ученія. Здѣсь — правда, всѣ понятія объ общихъ свойствахъ существъ выводятся изъ началъ разума и главнымъ образомъ изъ дѣятельности познавательной силы; особенно симъ занимается Кантъ въ своей „Критикѣ чистаго разума“, но онъ не раскрываетъ,

дѣйствительно ли понятіямъ соотвѣтствуютъ самыя вещи. Главный недостатокъ открывается въ томъ, что Кантъ, введши строгій порядокъ (ибо онъ начинается отъ чувственности и восходитъ къ высшимъ силамъ, показывая, какъ вѣѣ насъ существующія вещи отражаются въ каждой способности), опустилъ важнѣйшую часть Онтологіи, — изслѣдованіе бытія вышечувственного, Существа Безконечнаго и свойствъ Его. Самыя силы духа человѣческаго очень сжаты, заключены въ тѣсныхъ предѣлахъ, всѣ познанія ограничены міромъ чувственнымъ. Категоріи разума и производимыя изъ нихъ законы имѣютъ будто примѣненіе только въ мірѣ чувственномъ. Доказывается, что всѣ умозаключенія разума касательно вышнихъ существенныхъ истинъ обоюдны и разнородны. Такимъ образомъ Онтологія, изложенная Вольфомъ и Кантомъ, не можетъ служить руководствомъ въ изслѣдованіи метафизическаго знанія.

Пантеистическая философія, начиная съ чистаго понятія о бытіи, переходитъ къ понятію „ничто“, а потомъ далѣе, совмѣщая то и другое, выводитъ третье понятіе о бытіи измѣняющемся. Это мысль о значеніи противоположностей была высказана прежде Гегеля Шеллингомъ, который такъ начинаетъ свою трансцендентальную философію: „дайте мнѣ двѣ противоположности взаимныя, и изъ нихъ я построю вамъ все. Гегель на сихъ началахъ основалъ свою философію, но онъ приложилъ къ ней ученіе Гераклита о противоположностяхъ, находящихся въ постоянной борьбѣ. Небытіе, ограничивающее собою другое бытіе, можетъ быть названо границею, а изъ сего понятія границы вытекаетъ понятіе качества, т. е. того, безъ чего предметъ не можетъ быть тѣмъ, что онъ есть. И такъ съ бытіемъ связано небытіе; бытіе не можетъ избѣжать перемѣны, а изъ нея можно вывести понятіе нескончаемости; потому что предметъ постоянно перемѣняется, и перемѣны его безконечны. Но это плохая безконечность, въ которой заключается и положеніе и отрицаніе. Вещь становится не тѣмъ, чѣмъ была, — это отрицаніе; на мѣсто ея является новая, — это положеніе. Истинно безопечное и въ самомъ себѣ остается такимъ: оно заключаетъ въ себѣ весь рядъ нескончаемыхъ перемѣнъ. Главное начало философіи по Гегелю есть абсолютное, но

напрасно онъ сливаетъ его съ измѣняемымъ, говоря, что оно проявляется въ измѣненіяхъ: ибо оно неизмѣняемо. Въ этомъ главная ошибка Гегеля. Далѣе, по Гегелю, является бытіе абсолютнаго для себя; все его исхожденіе вонѣ восходитъ опять въ единое. Вотъ точка зрѣнія Ксенофана, который сказалъ: Богъ есть нѣчто, единое и все. У Гегеля иное вовлекается въ единое, бытіе множественности есть безпредѣльное самопроизведеніе единаго. Все это имѣетъ смыслъ при допущеніи главнаго начала пантеизма. Возвратъ множественности въ единство есть всесовокупность, которая есть сумма многихъ единицъ. Здѣсь открывается понятіе количества. Границы всегда отлагаются, и потому количество по своей природѣ безконечно. Одинаковость многаго есть непрерывность, а гдѣ связь прерывается, тамъ есть раздѣльность. Когда мы представляемъ предѣлъ между частями раздѣльными, тогда рождается понятіе величины экстенсивной или мѣры и интенсивной или качества. Сущность есть вполне раскрывшееся понятіе для себя бытія. По мнѣнію Гегеля, для сущности необходима видимость, и сущность выходитъ изъ понятія количества. Сущность понимается, какъ вполне разъяснившееся для себя бытіе.

Въ бытіи, говорилъ Гегель, все непосредственно; въ сущности все посредствуется, но эти понятія должны быть уже при представленіи качества. Далѣе, говорилъ Гегель, Богъ есть сущность, тожество вещей, въ Немъ все посредствуется. Затѣмъ отъ понятія тожества онъ отличаетъ понятіе различія, но различіе непротивоположно тожеству, а есть его повтореніе; всякая вещь тожественна сама съ собою и различна съ другими. Каждое изъ различныхъ понятій не то, что другое, а всё они—тоже. Противорѣчіе необходимо во всѣхъ вещахъ, оно—рожденіе вещей. Изъ этого понятія выходитъ понятіе основанія. Богъ есть основаніе вещей, проявляющееся въ нихъ, потому между Нимъ и Его произведеніемъ есть единство. Тожество матеріи или формы есть содержаніе. Тожество свойства и сущности вещей составляютъ ея бытіе. Свойства суть условія бытія вещи. Такая вещь, которая сама въ себѣ содержитъ всё условія бытія, есть сущность абсолютная, есть и Божество. Онтологія Гегеля общаетъ слишкомъ много — вывести изъ мыш-

ленія бытіе всего сущаго, даже бытіе абсолютнаго Духа, но она не выполняетъ своихъ обѣщаній; потому что главное начало Гегеля ложно и выводъ однихъ понятій изъ другихъ натянуть и произвольнъ, въ выводахъ Гегеля часто въ произведеніи болѣе, нежели въ причинѣ. Перемѣнъ и противоположности, происходящихъ въ конечныхъ существахъ, нельзя прилагать къ Безконечному, и нельзя сливать Его съ конечнымъ. Такъ у Гегеля натяжно выведено все изъ ничего. Завлекательна была для философа мысль о развитіи всего изъ ничего; онъ видѣлъ въ природѣ развитіе опредѣленнаго бытія изъ неопредѣленнаго, напримѣръ въ растеніяхъ. Гегель хотѣлъ эту мысль приложить и къ Безконечному, къ Его бытію. Вотъ въ чемъ ошибка Гегеля. Кантъ хотѣлъ приложить это только къ конечному, а Гегель и жизнь Безконечнаго хочетъ производить изъ пустаго, неопредѣленнаго; онъ говоритъ, что когда въ начало дается опредѣленная мысль, то это произволь, чтобы его не было, нужно гипотетически вывести изъ неопредѣленнаго опредѣленное, это первая ошибка, вторая состоитъ въ неправильности и натянутости самыхъ выводовъ.

Необходимость Онтологіи, ея предметъ и части.

Онтологія составляетъ необходимую часть Метафизики; она содержитъ положенія, которыя во всѣхъ другихъ частяхъ Метафизики приводятся какъ извѣстные основанія. Между тѣмъ мы не находимъ еще удовлетворительной и по содержанію систематически изложенной Онтологіи.

Итакъ намъ самимъ нужно рассмотретьъ, какой предметъ и какой планъ должна имѣть Онтологія?

Онтологія получила свое названіе отъ слова: *ὄν*—сущее. У Платона есть ученіе *περὶ τοῦ ὄντος*, или *περὶ τοῦ εἶναι*—о сущемъ, которое онъ принималъ въ двухъ значеніяхъ. Въ общемъ смыслѣ *ὄν* у Платона означало не ничто, нѣчто (*aliquid*), когда оно относилось къ бытію феноменальному, то называлось иначе—*γένεσις*. Въ тѣснѣйшемъ, строгомъ смыслѣ Платонъ подъ названіемъ *ὄν*—понималъ истинно, сущее, всегда себѣ равное, неизмѣняющееся бытіе, для означенія котораго къ названію *ὄν* присоединялъ *τὸ ὄντως*—

(бытіе истинное). Этимъ онъ выражалъ положеніе сущаго безусловное, постоянное, соотвѣтствующее вѣчнымъ идеямъ Ума Божія. Въ отличіе отъ бытія феноменальнаго, которое называлось *γένεσις*, Платонъ истинное бытіе называлъ еще *οὐσία*. Впрочемъ между идеями и существами являющимися, по ученію Платона, есть союзъ — подобіе; идеи суть первообразы (*πρωτότυπα*), а существа являющіяся *ἑυτότυπα*. Такъ напримѣръ идея о прекрасномъ есть *οὐσία* или *ὄντων ὄν*, а видимые прекрасные предметы, какъ бы участки этой идеи суть *γένεσις*. Ученіе о томъ, что есть *ὄντως οὐ*, или *οὐσία*, ученіе объ истинныхъ, самимъ себѣ равныхъ свойствахъ сущаго, а не о томъ, что существуетъ въ пространствѣ и времени и было предметомъ Платоновой Онтологіи. Но въ этомъ ученіи нельзя не видѣть односторонности, существуетъ не одно неизмѣняемое, но имѣютъ также дѣйствительное бытіе и всѣ вещи, ограничиваемыя пространствомъ и временемъ. Потому что и здѣсь есть дѣйствованіе силъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ бытіи вѣчномъ дѣйствованіе силъ не подлежитъ никакимъ перемѣнамъ... Хотя пространство и время не носятъ въ себѣ признака вѣчности: но они суть общія свойства, принадлежащія ограниченнымъ существамъ.

Впрочемъ, Онтологія не обязана изслѣдывать всѣ свойства вещей, которыхъ безчисленно много, но только всеобщія и коренныя... Иначе она стала бы наукою неимѣющею предѣловъ. Возмемъ, напримѣръ, матеріальныя тѣла: бытіе въ пространствѣ есть всеобщее неотъемлемое ихъ свойство, въ соотвѣтствіи тому форма пространства есть необходимый законъ всѣхъ нашихъ чувственныхъ представленій о внѣшнихъ предметахъ; эта форма дана душѣ нашей прежде всякаго опыта; душа рождается съ этимъ направленіемъ, чтобы искать существъ, положенныхъ одни внѣ или подлѣ другихъ. Но какъ это всеобщее свойство (т. е. существованіе въ пространствѣ) открывается въ безчисленномъ множествѣ разнообразныхъ предметовъ: то разсѣиваться по этой безчисленности предметовъ не есть дѣло Онтологіи. Итакъ чтобы Онтологія могла имѣть опредѣленныя границы, она должна сообщить понятія не просто о свойствахъ вещей, но о всеобщихъ и коренныхъ ихъ свойствахъ. Кромѣ того она долж-

на изслѣдовать коренныя всеобщія основанія всего существующаго. Безъ этого изслѣдованія Онтологія остановилась бы на предметахъ только опыта и не восходила бы далѣе. Между тѣмъ для ея твердости и полнаго удовлетворенія требованіямъ разума необходимо нужно знать самыя послѣднія основанія всему дѣйствительно сущему, то-есть, почему и для чего въ опытѣ существуетъ то, что существуетъ, какіе коренные законы, силы и цѣли, на которыхъ все держится и гдѣ наконецъ средоточіе или источникъ всякаго бытія.

Итакъ сущность Онтологіи состоитъ въ томъ, чтобы сообщать понятіе о всеобщихъ коренныхъ свойствахъ вещей и о необходимыхъ основаніяхъ бытія ихъ.

Части Онтологіи и ихъ расположеніе. Мы сказали, что главная задача Онтологіи состоитъ въ изслѣдованіи бытія вообще, поэтому она должна предварительно сдѣлать обзоръ всего существующаго, то-есть, полнота этой науки зависать отъ изслѣдованія бытія какъ конечнаго или ограниченнаго, такъ и Безконечнаго, изъ которыхъ, такъ сказать слагается вся совокупность существующаго. Путь которымъ не необходимо идти въ этомъ изслѣдованіи долженъ быть восходящій отъ низшаго къ высшему, отъ ближайшаго и непосредственно извѣстнаго къ дальнѣйшему, отъ конечнаго къ Безконечному. Какъ Опытная Психологія начинаетъ свои изслѣдованія съ низшихъ чувственныхъ способностей и переходитъ къ высшей силѣ ума: такъ и Онтологія, начиная съ бытія подлежащаго чувствамъ, должна восходить къ бытію, которое познается умомъ, т. е. къ Существу Безконечному.

Такимъ образомъ первое отдѣленіе Онтологіи составитъ изъ изслѣдованія о томъ, подлинно ли и съ какими коренными свойствами существуетъ то, что мы познаемъ посредствомъ чувствъ внѣшнихъ и внутренняго; второе отдѣленіе составитъ изъ изслѣдованія — о томъ, существуетъ ли что выше опытное, какъ истинное основаніе видимаго бытія, и съ какими коренными свойствами оно существуетъ, т. е. изъ ученія о Существѣ Безконечномъ въ Его идеѣ.

Первое отдѣленіе Онтологіи.

О всеобщихъ и коренныхъ свойствахъ бытія конечнаго.

Необходимость изслѣдованія вопроса о бытіи вообще.
Первый вопросъ, который Онтологія должна разрѣшить прежде всего можно выразить такъ: an aliquid existit,—существуетъ ли что нибудь? вопросъ этотъ по видимому, излишній, если руководствоваться простымъ увѣреніемъ всеобщаго чувства, которое ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что существуемъ мы, и предметы внѣ насъ. Но въ области философіи были такіе мыслители, которые подавляли, такъ сказать, это непосредственное увѣреніе всеобщаго чувства. Одни (идеалисты) сомнѣвались въ бытіи внѣшнихъ предметовъ, другіе (Скептики) подвергали сомнѣнію важнѣйшія основанія и начала, на которыхъ держится весь составъ знанія, иначе же простирали свое сомнѣніе на все и усиливались утверждать свое сомнѣніе доводами, часто довольно строгими, таковъ на примѣръ былъ Давидъ Юмъ, отвергавшій начало достаточной причины. Итакъ необходимо ограждать твердыми основаніями увѣренность всеобщаго чувства въ дѣйствительномъ бытіи существующаго отъ всѣхъ сомнѣній и возраженій. Прежде самаго бытія (existentia) нельзя представить себѣ что нибудь такое, что могло бы служить основаніемъ для самаго бытія. Оно есть первое, само изъ себя извѣстное. Можно собирать черты, которыя, впрочемъ, суть только обнаруженія бытія, но онѣ не прежде его и не выше его. Понятіе бытія есть самое коренное въ отношеніи къ которому всѣ прочія понятія суть не что иное, какъ разныя стороны, служащія къ раскрытію и объясненію того, что уже предполагается въ бытіи. Итакъ чтобы изслѣдовать, имѣетъ ли что нибудь бытіе, нужно напередъ составить понятіе о самомъ бытіи.

Опредѣленіе бытія у разныхъ философовъ и критическій разборъ его. Въ школѣ Вольфа бытіе опредѣлялось такъ: *Existentia est complementum possibilitatis* — бытіе есть дополненіе возможнаго. Вольфіанцы представляли себѣ это такъ: для возможнаго довольно, чтобы оно оставалось только въ мысляхъ, какъ незаключающее въ себѣ противорѣчія, но когда далѣе мыслей дополняется нѣчто, то это и есть бытіе.

Но этимъ не объясняется бытіе, а только показывается отношеніе дѣйствительнаго къ возможному. Но самое—то бытіе гораздо далѣе, нежели объясненіе. Чтобы понять, что это за дополненіе, надобно уже имѣть понятіе бытія и при томъ, что такое это нѣчто, которое дополняется, это совершенно непонятно.

У Локка опредѣленіе бытія нѣсколько яснѣе: *existentia est positio rei ubi et quando*, бытіе есть то, что находится въ пространствѣ и времени. Это опредѣленіе понятнѣе, чѣмъ Вольфіанское; ибо представленіе мѣста и времени, повидимому, совершенно терялось бы въ потокѣ мыслей, если бы оно не опредѣлялось дѣйствительно существующимъ. Впрочемъ нельзя принять и этого опредѣленія. Оно очень идетъ ко всѣмъ почти ограниченнымъ существамъ. Но какъ можно приложить оное къ Существу Высочайшему, которое безпредѣльно, выше всякаго пространства и времени, существуетъ вездѣ и всегда; а слова: гдѣ нибудь и когда нибудь, необходимо вносятъ ограниченность въ понятія Безконечнаго Существа. И въ области ограниченныхъ существъ многое не подчинено пространству и времени, напримѣръ, законы существъ и пр. Многое, что существуетъ въ умѣ, переходитъ въ конечное тогда, когда оно переходитъ въ дѣйствительныя формы, но законы существъ современны субстанціи, а субстанція хотя конечна, но прежде появленія ихъ во времени и самые законы ихъ существованія уже были отъ вѣка въ умѣ Божественномъ. Потому опредѣленіе Локка, что бытіе должно находиться въ пространствѣ и времени, непримѣнимо ко многому и въ существахъ ограниченныхъ, напримѣръ, къ дѣйствіямъ души нашей, которыя не связываются пространствомъ, но ограничиваются только закономъ времени и, слѣдуютъ одно послѣ другаго.

Но Швейблеру: *existentia est positio rei extra suas causas*, бытіе есть положеніе чего либо внѣ своихъ причинъ. Но это опредѣленіе не очень ясно и не объмываетъ всего; Швейблеръ хотѣлъ выразить болѣе различіе дѣйствительнаго отъ возможнаго, представляя первое находящимся внѣ своихъ причинъ. Но это опредѣленіе въ ограниченномъ мірѣ не объмываетъ всего, напримѣръ, въ умѣ какого либо писателя готовъ плапъ сочиненія; ужели оно не существуетъ дѣй-

ствительно, когда оно уже образовалось внутри своей причины? Въ умѣ сочинителя, конечно, существуетъ. Дѣйствительно существующее можетъ быть и внутри своей причины. Такъ въ умѣ Творца вселенной идеи объ устройствѣ ея были отъ вѣчности, хотя онѣ еще и не проявлялись вовнѣ, въ твореніи, которое появилось во времени, за известное число вѣковъ до настоящаго; тѣмъ не менѣ эти творческія идеи имѣли дѣйствительное, а не возможное только бытіе. Потому что Творецъ, какъ въ существѣ Своемъ, такъ и въ томъ, чѣмъ наполняется Его бытіе, не подлежитъ времени. Нельзя сказать, чтобы во всесовершенномъ умѣ Его идеи о сотвореніи вселенной явились только со времени ея устройства, а не отъ вѣчности. И самая вселенная созданная во времени по вѣчнымъ идеямъ Творца не имѣетъ такого отдѣленія отъ своей первопричины, чтобы могла поддерживать бытіе свое сама собою, въ полномъ отрѣшеніи отъ нея. Богъ, какъ неограниченный пространствомъ, своимъ существомъ и вседѣйствіемъ наполняетъ вселенную и вездѣ присутствуетъ, поддерживая бытіе всего сотвореннаго Имъ; потому нельзя сказать, чтобы міръ, явившійся во времени, продолжалъ бытіе свое внѣ своей причины. Поэтому опредѣленіе бытія у Швейблера, кромѣ неясности, страдаетъ еще недостаткомъ полноты, не обнимаетъ собою всего дѣйствительно существующаго, какъ въ мірѣ конечномъ, такъ и въ Существоѣ Безконечномъ.

Баумгартенъ опредѣляетъ бытіе такъ: *existentia est id quod est quoad omnia essentialia, naturalia, accidentalia attributa determinatum*, т. е. бытіе есть то, что опредѣлено по всѣмъ существеннымъ, существеннымъ и приводящимъ принадлежностямъ. Это опредѣленіе не ясно, при томъ, не все въ дѣйствительности опредѣлено. По мыслямъ Баумгартена, это должно понимать такъ, что бытіе есть то, что опредѣлено въ мысляхъ; но въ чьихъ? въ мысляхъ ума человѣческаго? но мы знаемъ, что существуетъ много и неопредѣленнаго для ума человѣческаго, напротивъ въ представленіяхъ человѣка много опредѣлено такого, что на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Кантъ справедливо замѣчаетъ что и для чувственнаго возрѣнія всякій предметъ неисчерпаемъ, иначе сказать неопредѣленъ, тѣмъ болѣе должно ска-